

**АДАПТАЦИЯ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ К ПОСЛЕДСТВИЯМ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ
МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ШОКОВ: ЭКОНОМИЯ БЕЗ СБЕРЕЖЕНИЙ****Сергей Рудольфович МУРАВЬЁВ^{а*}, Татьяна Николаевна ПЭК^б**

^а кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Астраханский филиал), Астрахань, Российская Федерация
smugaviev@inbox.ru

^б кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Астраханский филиал), Астрахань, Российская Федерация
tprek-n@yandex.ru

* Ответственный автор

История статьи:

Получена 29.08.2017

Получена в доработанном
виде 22.09.2017

Одобрена 18.10.2017

Доступна онлайн 15.11.2017

УДК 330.59**JEL:** E21, E63, O11, P46**Аннотация**

Предмет. Особенностью проявления рецессии российской экономики в 2014–2015 гг. стало глубокое падение уровня потребительских расходов. При этом на основе данных макроэкономической статистики высказывается мнение о допустимости издержек такой ситуации и о переходе домашних хозяйств к сберегательной модели поведения, что было характерно для периода предыдущего экономического кризиса. Предметом данной статьи является потребительское и сберегательное поведение российских домашних хозяйств как реакция на последствия макроэкономических шоков.

Цели. Исследование потребительского и финансового поведения домашних хозяйств для выявления факторов относительного роста уровня сбережений. Оценка механизмов адаптации населения к негативным макроэкономическим шокам и перспектив восстановления уровня потребительского спроса.

Методология. Использовался сравнительный анализ данных официальной статистики, результатов социологических исследований домашних хозяйств и экспертных оценок, касающихся потребления и сбережений населения России.

Результаты. Обосновано, что факторами падения уровня потребления выступили адаптационные механизмы, используемые большинством домашних хозяйств и связанные с ограничениями в потреблении и изменением его структуры, а также снижением спроса на кредитные ресурсы и низкий уровень сбережений большей части населения. Не нашло подтверждения мнение о переходе типичного представителя домашних хозяйств к сберегательной модели поведения в период рецессии в условиях высокой степени дифференциации домашних хозяйств по величине располагаемых ресурсов.

Выводы. Воспроизводство специфических условий формирования структуры доходов и расходов населения в России, которое находит отражение в повторении реакции домашних хозяйств на негативные макроэкономические шоки, не позволяет считать обоснованным мнение о необходимости сдерживания совокупного спроса для эффективной реализации целей долгосрочного развития.

Ключевые слова:

репрезентативное
домашнее хозяйство,
макроэкономический шок,
сберегательная модель
поведения, экономия

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2017

Для цитирования: Муравьев С.Р., Пэк Т.Н. Адаптация домашних хозяйств к последствиям отрицательных макроэкономических шоков: экономия без сбережений // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15, № 11. – С. 2052 – 2069.
<https://doi.org/10.24891/re.15.11.2052>

В IV кв. 2014 г. к структурным проблемам шок предложения, спусковыми механизмами российской экономики и внешним шокам которого послужили снижение экспортных добавился внутренний макроэкономический цен на нефть и анонсированный отказ

Банка России от валютных интервенций. Сочетание экономических и политических шоков вызвало острое проявление кризиса, который принял форму stagflation [1]. В отличие от ситуации 2008–2010 гг., когда антикризисные программы решали в том числе задачу оживления внутреннего спроса, в 2014–2016 гг. регулирующие органы фактически исходили из неоклассического принципа «нейтральности денег», что предполагало ориентацию на долгосрочное развитие и отказ от активной реакции на конъюнктурные изменения. В направлениях единой денежно-кредитной политики прямо указывалось, что она строится на учете устойчивых долговременных тенденций, и что такие приоритеты в среднесрочном периоде могут привести к снижению уровня потребления, но в долгосрочной перспективе создадут условия для постепенного восстановления роста как потребительского, так и инвестиционного спроса¹. При этом за рамками изложения базового сценария развития экономики осталось объяснение того, какие стимулы, кроме смягчения кредитных условий по мере снижения инфляции, должны побуждать предпринимателей увеличивать инвестиционную активность.

В основе разработки прогнозов развития национальной экономики должны лежать не только эконометрические модели, но и детальное понимание особенностей принятия решения экономическими субъектами в различных социально-экономических условиях.

Научный подход в макроэкономическом анализе принятия решений домашними хозяйствами об объемах потребления и сбережений заключается в исследовании поведения репрезентативного агента, то

есть типичного представителя совокупности домашних хозяйств. Как правило, решения большинства домашних хозяйств определяют направления изменений показателей потребительских расходов и сбережений, что отражают данные системы национальных счетов и социально-экономической статистики. Как представляется, именно на основании данных Росстата в период рецессии 2015–2016 гг. представителями Минэкономразвития России был сделан вывод, согласно которому в течение всего 2015 г. население придерживалось сберегательной модели поведения, а целью корректив в потребительской модели стала экономия средств в условиях снижения реальных доходов при увеличении доли сбережений в структуре использования денежных доходов². На переход от потребительской модели поведения к сберегательной по итогам 2015 г. указывалось в научно-аналитических статьях [1]. Некоторые эксперты подчеркивали, что сберегательная модель поведения характерна для периода снижения доходов, и аналогичные тенденции по росту депозитов и снижению кредитной активности имели место в 2009 г. в России³.

Если признавать подобную устойчивую реакцию российских домашних хозяйств в ответ на отрицательные макроэкономические шоки, следует одновременно признать особый национальный характер связи дохода, потребления и сбережений, что само по себе должно вызывать острый научный интерес. Рост сбережений в условиях

¹ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2017 год и период 2018 и 2019 годов. URL: http://cbr.ru/publ/?PrId=ondkp&pid=dkp&sid=ITM_10655

² Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2015 году. URL: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/dep_macro/2016090201

³ Хромов М. Сберегательная модель: не до валюты // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2016. № 1. С. 22–24. URL: http://vedi.ru/macro_r/IEP_Monitor_2016-19-january.pdf

временных отрицательных шоков мало согласуется с ранней теорией потребления Дж.М. Кейнса [2], подчеркивающего прямую связь между текущим доходом и потреблением (без влияния на решения домашних хозяйств финансовых активов, процентной ставки и доступа к кредиту), а также с положениями концепции перманентного дохода М. Фридмана [3]. Один из выводов теории перманентного дохода, находящий эмпирические подтверждения, состоял в том, что доля сбережений увеличивается в том случае, если растет текущий, а не ожидаемый в долгосрочной перспективе средний доход. Наоборот, ожидание восстановления уровня реального дохода при временном отрицательном шоке должно приводить к сокращению доли сбережений из текущего дохода и незначительному изменению доли потребления при использовании займов и накоплений.

Единственным объяснением «избирательно-сберегательного поведения» (термин, используемый Минэкономразвития России) домашних хозяйств может служить сочетание уникальных для кризисных явлений условий: роста номинальных доходов большей части населения, массовый отказ от товаров и услуг, приобретение которых можно отложить, экономия на товарах повседневного спроса и размещение сэкономленных средств на депозитах. Похожее объяснение было использовано в докладе «Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2015 году».

Обратимся к данным официальной статистики, при оценке которых наше внимание сосредоточено на выборе домашних хозяйств между потреблением и сбережением в рамках располагаемых денежных доходов, то есть денежных доходов за вычетом обязательных платежей и взносов. Абсолютное изменение отдельных показателей денежных доходов

и расходов в 2008–2010 и 2013–2016 гг. представлены в *табл. 1*.

Данные Росстата действительно отражают резкое снижение прироста расходов на товары и услуги в 2009 и 2015 гг. в денежном выражении по сравнению с предшествующими годами, а расчеты показывают относительно низкую среднюю склонность к потреблению в эти годы и приблизительно одинаковую предельную склонность к потреблению: 0,378 и 0,345. При этом значение предельной склонности к потреблению на протяжении периода 2008–2016 гг. было неустойчиво, превышая в отдельные годы (как, например, в 2013 и 2016 гг.) значение 1. Расходы домашних хозяйств в составе фактического конечного потребления, включающие потребление товаров и услуг и условные расходы на продукцию собственного производства, во время предыдущего кризиса испытали падение в реальном выражении только в 2009 г. на 5,1%, тогда как в 2015–2016 гг. их сокращение составило 13,9%. Если такая «экономия» является сознательным решением, то значит, большая часть населения должна была ожидать длительного снижения уровня своих доходов и формировала «подушку безопасности». Для того чтобы проверить это утверждение, недостаточно опираться лишь на статистические данные, поэтому нами были использованы альтернативные источники информации.

Возвращаясь к данным *табл. 1*, обратим внимание на существенный прирост располагаемого денежного дохода (13%) в 2015 г., контрастирующий с изменениями этого показателя в 2014 и 2016 гг. Сам по себе рост номинального дохода в условиях стагфляции, когда индекс-дефлятор ВВП составил 108,2%, а индекс физических объемов ВВП – только 97,2%, не вызывает дополнительных вопросов. Исключительным явлением можно считать то, что почти 64% прироста денежного дохода было обеспечено приростом заработной платы

(включая скрытую ее величину и выплаты социального характера) и 20% – приростом социальных выплат. Таким образом, статистика свидетельствует об инфляционном перераспределении доходов в пользу лиц, работающих в основном по найму, а также лиц, получающих пенсии и пособия.

Даже если согласиться с Росстатом в оценках величины доходов, не наблюдаемых прямыми статистическими методами, следует осторожно относиться к понятию скрытой оплаты труда, поскольку эта «темная материя» экономического пространства включает в себя различные формы доходов домашних хозяйств, которые рассчитываются при различного рода допущениях. В скрытые трудовые доходы в том числе включается досчитанная заработная плата лиц, официально занятых на малых предприятиях и у индивидуальных предпринимателей, а также лиц, занятых без оформления договоров, поэтому можно предположить, что их заработки в период кризисных явлений не имели тенденции к существенному росту. Имеет смысл сослаться на результаты анализа влияния шока 2008 г. на доходы населения, в соответствие с которыми наиболее сильно в этот период пострадала не официальная заработная плата, а реальная заработная плата с учетом скрытой оплаты труда [4].

Дополнительным основанием для критического отношения к данным статистики о темпах прироста заработной платы как элемента денежных доходов населения на 11,3% является введение Росстатом с 2015 г. Методологических положений по расчету показателей денежных доходов и расходов населения⁴. Новые методики оценки компонентов денежных доходов не позволяют в полной мере

считать сопоставимыми данные 2015 г. и предыдущих лет.

С учетом того, что, по данным Росстата, среднесписочная численность работников организаций, включая малые предприятия, и численность неработающих пенсионеров в 2015 г. составила почти 74 млн чел., интерес для анализа представляет динамика показателей соотношения заработной платы, пенсий и прожиточного минимума (далее – ПМ) в период 2008–2016 гг. (*рис. 1*). Эти относительные показатели характеризуют усредненные возможности большей части домашних хозяйств осуществлять сбережения и производить расходы на товары и услуги.

Изменения по годам относительных показателей заработной платы и пенсий, представленных на *рис. 1*, за небольшим исключением повторяют динамику заработной платы и пенсий, дефлированных по индексу потребительских цен, то есть динамику их реальных значений. Оценивая изменения в покупательной способности доходов, отметим точку зрения, согласно которой негативные последствия внешних шоков для российской экономики зависят не только от силы самих шоков, но и от того, как реагируют на них монетарные власти и другие экономические ведомства [5].

Проводя стимулирующую политику в период роста экономики в начале 2000-х гг. и разрабатывая антикризисные программы на 2009–2010 гг., правительство учитывало, что спрос, генерируемый социальной помощью, исходит от бедных слоев населения, концентрируется преимущественно на товарах отечественного производства и оказывает относительно больший стимулирующий эффект, чем бюджетный спрос [6]. Отличие в динамике реальной заработной платы и пенсий, изменениях соотношения этих доходов с прожиточным минимумом в 2008–2010

⁴ Об утверждении Методологических положений по расчету показателей денежных доходов и расходов населения: приказ Федеральной службы государственной статистики от 02.07.2014 № 465.

и 2014–2016 гг. во многом объясняются направленностью антикризисной политики.

Минимальный размер оплаты труда (МРОТ) с 1 января 2009 г. был увеличен на 88%, на 15% выросла заработная плата работников бюджетного сектора. В 2009–2010 гг. средний размер назначенных пенсий увеличился на 78%. При этом за 2008–2010 гг. потребительские цены выросли на 34%. Ситуация в 2014–2016 гг. при росте цен на 32% с точки зрения политики доходов была иной. За 2015–2016 гг. МРОТ повышался три раза, но вырос к уровню 2014 г. только на 34%. Ускорение инфляции пришлось на конец 2014 г., а увеличение МРОТ в 2015 г. (с 1 января) составило лишь 7,4%. В 2015–2016 гг. была приостановлена индексация оплаты труда работников бюджетной сферы и федеральных государственных гражданских служащих в целях экономии и стабилизации финансовой сферы. Страховая пенсия в 2014–2016 гг. за счет индексации была увеличена на 25,5% (без учета единовременной выплаты в 5 тыс. руб., произведенной в январе 2017 г.), что привело за 2015–2016 гг. к падению ее реальной величины на 6,9% и покупательной способности по отношению к прожиточному минимуму – на 10–12 п.п. Отмена в регионах ряда льгот для пенсионеров послужила дополнительным фактором снижения потребительских и сберегательных возможностей.

Очевидна связь решений правительства, какими бы объективными условиями они не определялись, с тем фактом, что шок 2008 г. в меньшей степени негативно сказался на потреблении, чем шок 2014 г.: расходы домашних хозяйств на конечное потребление в реальном выражении в 2015 г. снизились почти на 10%, в 2016 г. – еще на 4,5% против 5% их снижения в 2009 г. В отличие от предыдущего кризиса произошло

масштабное падение оборота розничной торговли не только по непродовольственным товарам, но и по пищевым продуктам, оборот по которым за два года снизился на 14% относительно уровня 2014 г.

Оценим возможности заработных плат и пенсий с точки зрения потребительского стандарта в кризисы и периоды роста экономики, используя методологический подход Всероссийского центра уровня жизни к оценке бюджетов домашних хозяйств. В соответствие с этим подходом [7] различают:

- бюджет прожиточного минимума (БПМ), обеспечивающий удовлетворение наиболее насущных потребностей;
- восстановительный потребительский бюджет (составляет от 2 до 6 БПМ), позволяющий компенсировать затраты труда повышенной физической активности и напряженности, создавать семью, воспитывать детей;
- потребительский бюджет среднего достатка (составляет от 6 до 11 БПМ), создающий материальные условия для жизни так называемого среднего класса;
- потребительский бюджет высокого достатка (составляет 11 БПМ и более), который обеспечивает удовлетворение потребностей высокоразвитых личностей и членов их семей, умножение индивидуального и общественного потенциала.

Если обратиться к представленным на *рис. 2* данным, то можно сделать следующие выводы. Несмотря на бурный рост относительного показателя заработной платы со 168% в 2000 г. до 348% в 2008 г., перед кризисом средняя начисленная заработная плата с выплатами социального характера позволяли лишь «компенсировать затраты труда», что соответствует

восстановительному бюджету. Максимальной величины в прожиточных минимумах оплата труда достигла в 2012–2013 гг., остановившись в своем росте далеко от границы потребительского бюджета среднего достатка. Показатель 384% от ПМ представляется весьма скромным, если учесть среднее значение заработной платы и высокую степень дифференциации по регионам, видам экономической деятельности и организациям различных форм собственности. Поэтому отрицательная динамика относительной оплаты труда даже на 40–50% ПМ должна существенно влиять на финансовое поведение домашних хозяйств, на их решения о кредитовании и банковских вкладах. Это замечание касается еще в большей степени изменения отношения средней пенсии к ПМ: его увеличение с крайне низкого значения 76% в 2000 г. до 163–165%, конечно, можно считать положительным социальным явлением, но бюджет пенсионера так и не достиг значения восстановительного.

Однако учитывая рост реальных доходов домашних хозяйств, увеличение доли расходов на товары длительного пользования и развлечения, снижение доли расходов на продукты питания, которая отрицательно связана с ростом благосостояния домашнего хозяйства [8], некоторые экономисты по итогам восстановительного роста российской экономики сделали вывод о расширении ресурсов домашних хозяйств за пределы стандарта выживания в сторону потребительского стандарта развития. Вместе с тем подчеркивалось, что существуют серьезные ограничения для подобных позитивных изменений, которые формируются не столько со стороны бедности, сколько со стороны высокой дифференциации доходов [4].

Действительно, для понимания проблем социально-экономического развития важна не только оценка того, какая доля населения

имеет доход ниже прожиточного минимума, но и того, какова отдаленность от минимального бюджета различных групп домашних хозяйств.

Вывод о постепенном формировании предпосылок для развития навыков ответственного потребительского выбора и инвестиционной активности, был сделан на фоне стимулирования правительством потребительского спроса в период 2011–2013 гг. ставшего, по оценкам большинства экспертов, основным фактором роста экономики в эти годы [9]. Ответ на вопрос о том, насколько ограничения для конечного спроса реализовались в условиях кризиса, может дать анализ располагаемых ресурсов домашних хозяйств. Этот показатель включает в себя денежные доходы, стоимостную оценку натуральных поступлений, сумму израсходованных накоплений и привлеченных (заемных) средств. Данные о среднедушевых располагаемых ресурсах по 10-процентным (децильным) группам населения в 2015 г. приводит Росстат по результатам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств⁵.

Располагаемые ресурсы можно также понимать как стоимостную оценку средств домашних хозяйств для финансирования потребления и создания сбережений. Поскольку отдельные данные о величине привлеченных средств отсутствуют, мы не можем определить изменение сбережения в строгом смысле слова. Нами используется показатель чистых располагаемых ресурсов, представляющий собой разницу между располагаемыми ресурсами и суммой израсходованных накоплений и привлеченных (заемных) средств. На *рис. 2* разрыв между чистыми располагаемыми ресурсами

⁵ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2015 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). URL: http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096812812

и расходами на конечное потребление показывает ежемесячную сумму чистой экономии или прироста финансовых активов в стоимостном выражении на одного члена домашнего хозяйства. Хорошо видно, что этот разрыв возрастает по мере отдаления от первой децильной группы населения с наименьшими среднедушевыми располагаемыми ресурсами.

В 2015 г. в структуре совокупных среднедушевых располагаемых ресурсов 60% домашних хозяйств имели 32% таких ресурсов для финансирования конечного потребления и сбережений. Эта цифра близка к данным о распределении денежных доходов по 20-процентным группам населения, согласно которым на долю 60% населения в 2015 г. (и в 2016 г.) приходилось 30,3% объема денежных доходов. Расчеты показывают, что у последних четырех децильных групп населения общая сумма чистой экономии или прироста активов в стоимостном выражении в расчете на одного члена домашнего хозяйства в три раза превысила сумму экономии первых шести групп, а сумма потенциальных сбережений, рассчитанная как разница располагаемых ресурсов и конечного потребления – в 3,84 раза.

Обратим внимание на важное замечание Р. Капелюшникова, касающееся необходимости учета сглаживания неравенства в потреблении по сравнению с неравенством в доходах. Показатели доходов и потребления будут расходиться, во-первых, когда часть доходов сберегается, и, во-вторых, когда индивиды прибегают к заимствованиям [10]. Действительно, в 2015 г. денежные доходы в расчете на одного члена домашнего хозяйства последней и первой децильной группы различались в 8,6 раза, тогда как отношение показателей расходов на конечное потребление – в 5,7 раза. Однако сумма привлеченных средств и израсходованных сбережений к

сумме денежных доходов у первой (относительно бедной) группы составила 1,1%, а у десятой группы – 15,9%.

Сумма привлеченных средств и израсходованных сбережений у двух наиболее обеспеченных децильных групп была на уровне 87,4% от общего объема этого показателя. При этом для шести первых групп эта сумма в 2014 г. была всего на 3,6% выше, чем в 2015 г., тогда как для последних четырех групп – на 58,3%, что свидетельствует о неактивном использовании относительно бедным населением сбережений и займов для финансирования текущего потребления в кризисных условиях.

В целом отметим, что данные Росстата (рис. 2) указывают на высокую степень дифференциации экономических возможностей домашних хозяйств, и для большей их части в период кризиса было затруднительно как формировать «подушку безопасности» за счет рациональной экономии на расходах, так и сохранять уровень потребления при падении реальных доходов за счет ранее сделанных сбережений и новых займов.

Если рассуждать в этом направлении, невозможно обойти данные макроэкономической статистики, отражающей изменения финансовой (сберегательной и кредитной) активности домашних хозяйств. В табл. 2 представлены данные Банка России о вкладах и кредитах физических лиц в 2012–2016 гг.

Прежде чем рассматривать результаты финансового поведения домашних хозяйств, проанализируем, как изменялись вклады и кредиты физических лиц в годы предыдущего кризиса. Как и после шока 2014 г., в научных статьях, предметом анализа которых являлась сберегательная активность населения в 2008–2010 гг., отмечалась тенденция к росту депозитов физических лиц и резкое снижение

активности в секторе кредитования. Хотя экономисты по-разному оценивали эти изменения, отметим вывод, сделанный на основе данных статистики и социологической информации, в соответствии с которым рост вкладов происходил на фоне отсутствия роста доли сберегателей среди домохозяйств в эти годы, а объемы сбережений большей части населения (при значительной доле сберегателей среди пенсионеров) создавали небольшой запас прочности. Отмечается также, что в самом начале кризиса население вкладывало деньги в иностранную валюту и снижало спрос на кредиты, что имеет сходство с ситуацией кризиса 1998 г. Ухудшение условий инвестирования на финансовых рынках и рынках недвижимости, гарантии по страхованию вкладов сделали в 2009–2010 гг. депозиты в рублях привлекательной формой краткосрочных инвестиций, и, наоборот, рост ставок по кредитам и просроченной кредитной задолженности способствовали ухудшению конъюнктуры рынка кредитования физических лиц [11].

Если сопоставить данные банковской статистики в годы последних двух кризисов, то обнаруживается аналогия в направлении изменений вкладов и кредитов.

Во-первых, острая фаза кризиса пришлась на последний квартал года, поэтому к концу 2008 и 2014 гг. наблюдался резкий рост процентных ставок по рублевым кредитам, особенно краткосрочным, хотя причины такой динамики различны. К началу 2009 г. банки испытывали дефицит ресурсов, несмотря на смягчение денежно-кредитной политики, тогда как к концу 2014 г. Банк России ужесточил процентную политику, увеличив ключевую ставку на 9 п.п. по отношению к началу ноября 2014 г. Основные кредитные продукты, предлагаемые банками в период между кризисами, не предусматривали их

длительного использования из-за высокой стоимости, тем не менее прирост потребительского спроса в докризисные годы обеспечивался не только повышением номинальных доходов, но и активным потребительским кредитованием [12]. Ослабление этих факторов неизбежно должно было оказать негативное влияние на конечное потребление.

Во-вторых, рост значения чистого кредитования физических лиц кредитными организациями пришелся на два последующих года после острой фазы кризиса: в 2009 и 2010 гг., соответственно, 2 021 и 1 822 млрд руб., в 2015 и 2016 гг. – 5 311,7 и 861,6 млрд руб. Темп прироста рублевых кредитов в 2009 и 2015 гг. был отрицательным, и снижалась доля россиян, имеющих кредит. Например, по данным опросов, в ноябре 2009 г. на наличие кредита в семье указало в 1,7 раз меньше респондентов (19%), чем годом ранее [13]. Изменения в течение 2015 г. были менее значительными (но по другим источникам информации): Национальное бюро кредитных историй привело данные, по которым количество россиян, имеющих кредит, за год уменьшилось на 10,6%. Темпы прироста депозитов в 2008 и 2014 гг. оказались существенно ниже этого показателя за предшествующие годы (по-видимому, из-за использования сбережений для финансовых операций). Объем вкладов физических лиц в 2009 г. вырос на 26,7%, в 2015 г. – на 25,2%. При этом значительно увеличилась сумма вкладов в иностранной валюте (в рублевом эквиваленте) за 2008–2009 гг. – на 195%, в 2014–2015 гг. – на 130%.

Таким образом, по данным макроэкономической статистики можно сделать вывод о схожих результатах финансового поведения домашних хозяйств. Более того, некоторые экономисты на основе сопоставления поведения в ситуации 1990-х гг. и в 2009–2010 гг. выдвинули

и обосновали гипотезу, согласно которой кризисное состояние российской экономики влияет на объем и структуру сбережений вне зависимости от характера возникновения самого кризиса: населению неважно, чем обусловлен кризис, и оно будет действовать по аналогии с прошлым кризисом, перераспределяя денежные средства – от покупки иностранной валюты в пользу вкладов в банки и к покупке недвижимости [14].

Однако в таком объяснении заложено противоречие: все последние кризисы имели следствием падение обменного курса рубля и негативный шок для банковской системы, то есть независимо от причин возникновения кризиса носили в этом аспекте схожий характер протекания. Кроме того, объединение различных групп домашних хозяйств в население оставляет без внимания дифференциацию их экономических возможностей и различие в финансовом поведении.

Конечно, решение о величине потребления и объеме сбережений – по сути одно и то же решение. Но это не означает для каждого конкретного домашнего хозяйства, что сокращение потребления одновременно ведет к росту сбережений, например, в условиях обвального падения реальных доходов и вынужденного сокращения объема покупок. Другая ситуация – сокращение желаемого потребления из-за отказа от крупных покупок, увеличение вкладов для создания так называемой подушки безопасности, если величина доходов позволяет существенно не снижать уровень текущего потребления. Уменьшение привычного или планируемого уровня потребления для этих двух типов домашних хозяйств может быть связано с ограничением ликвидности, определяемым разными причинами: потерей работы, пессимистическими ожиданиями относительно изменения доходов, ростом стоимости кредитных ресурсов. Но даже в условиях

кризиса, особенно в форме стагфляции, доходы отдельных субъектов экономики могут существенно вырасти, а их финансовые активы – увеличиться. Вопрос заключается в том, какая из описанных моделей поведения относится к репрезентативному домашнему хозяйству.

В научных исследованиях, посвященных особенностям финансового поведения домашних хозяйств в России, редко проводится анализ вкладов населения в разрезе различных суммовых сегментов. В связи с этим особый интерес для нашего исследования представляет работа М. Матовникова – главного аналитика Сбербанка [15]. Опираясь в своем анализе в том числе и на данные Агентства по страхованию вкладов, исследователь подчеркивает сложность оценки размера депозитов отдельных групп населения, но при этом приводит экспертную оценку, в соответствии с которой динамика вкладов в период кризисов в решающей мере определяется не общим количеством сберегателей, а тем, какое направление финансового поведения избирает 3% населения страны, на долю которых приходится 70% суммы вкладов. За период 2011 г. – I кв. 2015 г. 85% общего прироста вкладов было определено 3% населения страны, причем вклады в диапазоне 400–700 тыс. руб. выросли на 165%, свыше 1 млн руб. – на 157%, тогда как вклады до 100 тыс. руб. увеличились лишь на 20%. В свою очередь заемщики, которых в полтора раза больше вкладчиков, являются представителями относительно низкодходной части населения [15].

Эти выводы служат подтверждением нашего основного тезиса: прямая интерпретация макроэкономической статистики, содержанием которой является переход населения к сберегательной модели поведения под влиянием шоков, может оказаться ошибочной в условиях высокой степени дифференциации ресурсных возможностей домашних хозяйств. Это не значит, что прирост сбережений не может сочетаться

с падением реальных доходов. Если значительная часть пенсионеров, имея в 2000-е гг. средний доход ниже восстановительного бюджета, являлись активными сберегателями, хотя и с малыми размерами вкладов, то, значит, средняя заработная плата (при наличии у получающего ее лица небольшого числа иждивенцев), превышающая прожиточный минимум в 3,3–3,5 раза оставляет «большие возможности» для сберегательного маневра. Однако для этого придется не только отказаться от потребления в кредит, но и ограничиться набором благ первой необходимости и, возможно, перейти к приобретению более дешевых и менее качественных (низших) товаров и услуг.

Альтернативными по отношению к данным официальной статистики источниками информации, позволяющим более детально увидеть картину изменения поведения домашних хозяйств в кризисных условиях, могут служить результаты социологических исследований. Далее мы анализируем результаты опросов, которые проводит Институт фонда «Общественное мнение» (инФОМ) по заказу Банка России, а также данные социологического раздела мониторинга социально-экономического положения и самочувствия населения Института социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС и исследования по вопросам социального самочувствия населения и бедности, организованного ВЦИОМ по заказу НИУ ВШЭ (далее – мониторинг НИУ ВШЭ).

Проведенные средствами инФОМ исследования показывают, что в период рецессии выросла доля россиян, которым пришлось экономить на приобретении товаров и услуг: если в сентябре 2014 г. она находилась на уровне 47%, то в октябре 2015 г. составляла уже 65%, в октябре 2016 г. – 59%⁶. По оценке инФОМ,

в течение 2015 г. с 34 до 56% выросла доля людей, которые в качестве стратегии адаптации выбирали переход на приобретение более дешевых продуктов и товаров или отказ от приобретения определенных благ либо сочетали обе стратегии.

Институт социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС приводит более детальные данные об ограничениях в потреблении, согласно которым доля населения с оценкой своего уровня материального положения как низкого, использующая стратегию экономии на покупках, выросла с 84,1% в 2015 г. до 88,4% в 2016 г. и 92,9% в 2017 г. (все данные за февраль). В сегменте со средним доходом также отмечается рост этого показателя: 68,5%, 75,4%, 78,7%, соответственно⁷.

Что касается так называемой модели сберегательного поведения, данными опросов не подтверждается ее использование значительной частью населения в качестве адаптационной модели. Опросы инФОМ свидетельствуют, что целенаправленно и устойчиво осуществляет сбережения лишь небольшая часть россиян. О наличии сбережений в сентябре 2014 г. заявляло 39% респондентов, в октябре 2015 г. – 38%, в ноябре 2016 г. – 36%. При этом снизилась доля людей, отметивших, что откладывают оставшиеся денежные средства после осуществления расходов на текущие нужды: в сентябре 2014 г. она составляла 42%, через год – 35%, через два года – 36%.

По информации ИНСАП РАНХиГС, в начале 2016 г. 76,9% опрошенных людей отрицательно ответили на вопрос о том, делали или собирались ли они сделать сбережения. Эти цифры согласуются

URL: <http://cbr.ru/DKP/?PrtId=infl>

⁶ Измерение инфляционных ожиданий и потребительских настроений на основе опросов населения. Развернутый отчет по результатам десятого – двенадцатого опросов. 2016.

⁷ Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. URL: <http://ranepa.ru/images/docs/monitoring/ek-monitoring/monitoring-feb-2016.pdf>

с результатами мониторинга НИУ ВШЭ, которые показывают, что доля не имеющих сбережений домашних хозяйств в 2014–2016 гг. находилась на уровне 51%, а доля тех, которые стали сберегать меньше или совсем прекратили откладывать средства – на уровне 25%. Только 11% респондентов к концу 2016 г. стали сберегать больше, чем перед началом кризиса. Мониторинг также опровергает мнение об использовании значительной частью населения валютных операций в целях управления доходами: в 2015–2016 гг. управляли своими сбережениями путем операций с иностранной валютой всего 5–6% респондентов⁸.

Основной вывод, который следует из проведенного комплексного анализа данных статистики и социологических исследований, заключается в том, что для большей части российских домашних хозяйств адаптация к последствиям макроэкономических шоков 2008 и 2014 гг. в заключалась в использовании ограничительных стратегий (хотя правильнее было бы говорить о тактике), связанных с вынужденным отказом от приобретения ряда товаров и услуг и переходом к потреблению более дешевых благ.

Проведенный анализ объясняет противоречие между снижением покупательной способности располагаемых доходов населения и ростом средней и предельной склонности к сбережению после макроэкономического шока. Относительное снижение прироста потребления и возрастание сбережений может быть объяснено изменением структуры потребления в пользу низших благ, снижением масштабов потребительского кредитования, отсутствием у большей части населения резервов в виде сбережений для поддержания привычного уровня потребления, а также крайне неравномерным приростом номинальных доходов у

различных групп населения, то есть перераспределительным эффектом инфляции.

Не нашла подтверждения в работе распространенная точка зрения о переходе домашних хозяйств к сберегательной модели поведения после острой фазы кризиса. В течение первых двух лет после начала падения реальных доходов в 2014 г., менее 15% россиян стали сберегать больше, а 51–65% населения (по различным источникам данных) вообще не имели финансового резерва, который они считали бы сбережениями. Термин «сберегательная модель поведения», коим оперируют на уровне документов правительства и в ряде научных публикаций, не содержательно отражает изменения в поведении репрезентативного домашнего хозяйства. Подобная характеристика поведения плохо согласуется не только с положениями теорий потребления, но и с результатами анализа специфических экономических условий в России, показавшего, что глубина падения конечного потребления зависит от решений различных по доходности групп населения, а масштабы прироста сбережений – от решений небольшой и наиболее обеспеченной части общества.

Другой важный вывод с точки зрения оценки перспектив развития страны состоит в том, что сочетание умеренно жесткой денежно-кредитной и бюджетной политики, роста издержек для большинства предприятий и организаций при невозможности в полной мере переложить их на конечного потребителя неизбежно должно было привести и привело к ухудшению качества потребляемых товаров и услуг. В российской экономике возник, на наш взгляд, особый тип подавленной инфляции. В свою очередь темпы инфляции, являющиеся целевым ориентиром монетарных властей, зависят не от так называемого избыточного потребительского спроса, а от эластичности

⁸ Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Итоги года. Мониторинг НИУ ВШЭ. URL: <https://isp.hse.ru/monitoring>

предложения товаров и услуг и институтов антимонопольного и ценового регулирования, тем более, что основной причиной ускорения инфляции в 2014–2015 гг. стало падение курса рубля, а не избыточный спрос [5]. На протяжении последних лет именно некомплементарность денежно-кредитной и ценовой политики в России оказывает через розничные цены наиболее сильное негативное влияние на структуру расходов и уровень жизни домохозяйств⁹.

Результаты проведенного анализа согласуются с осторожным выводом, сделанным еще по итогам 2015 г., о необходимости реализации в настоящее время специальных мер стимулирования спроса [1]. Длительное угнетенное состояние потребительского спроса, которое предсказывают некоторые макроэкономические модели [16], способно привести к эффекту гистерезиса, при котором потребуются значительные усилия правительства и центрального банка по возвращению качественных и количественных характеристик спроса на товары и услуги к докризисному уровню. Это обусловлено переориентацией производства товаров на менее качественную продукцию в ответ на ограничительное потребительское поведение, а также привычками и стереотипами поведения домашних хозяйств, сложившимися в депрессивных экономических условиях. В перспективе не исключено попадание российской экономики в инвестиционную ловушку, при которой инвестиционный спрос будет крайне слабо реагировать на снижающуюся процентную ставку.

Возможно, выгоды от более высокого уровня сбережения в будущем могут перевешивать издержки снижения текущего потребления, но выбор времени для начала

реализации этого принципа на практике представляется малооправданным с социальной и экономической точек зрения. Подобная ограничительная политика способна не только подавлять факторы, которые способствовали бы выходу экономики на траекторию роста, но и через усиление дифференциации в доходах усиливать отрицательное воздействие неравенства на долгосрочный экономический рост [17]. Конечно, с помощью различных регрессий можно находить или отрицать связь между неравенством и ростом, но, очевидно, что усиление степени неравенства негативно сказывается на характеристиках спроса и производства в России. Воспроизводство на протяжении 2000-х гг. специфических условий формирования структуры конечного спроса [18], доходов и расходов населения находит выражение в повторении реакции домашних хозяйств на негативные макроэкономические шоки и позволяет в этом аспекте достаточно точно прогнозировать последствия нового кризиса в зависимости от характера макроэкономической политики.

За рамки статьи выходит исследование возможностей сочетания различных инструментов монетарной и бюджетной политики, которое способствовало бы нахождению компромисса между целями снижения инфляции и стабилизации. Можно лишь согласиться с мнением, согласно которому оптимальность макроэкономической политики должна выявляться на основе структурных макроэкономических моделей, учитывающих влияние перемен в политических инструментах на изменения в реальных взаимосвязях между макроэкономическими показателями [19].

И в связи с этим комплексные исследования и адекватные оценки потребительского и финансового поведения населения должны стать основой для выбора эффективных инструментов тактики и стратегии социально-экономического развития.

⁹ *Муравьев С.Р.* Государственная политика цен в условиях таргетирования инфляции Банком России: материалы X Всероссийской научно-практической конференции «Управление и общество: от традиций к реформам». Тамбов: Изд-во А.В. Чеснокова, 2015. С. 284–289.

Таблица 1

Изменение отдельных показателей денежных доходов и расходов населения России в 2008–2010 и 2013–2016 гг., млрд руб.

Table 1

The changes in income and expenditure specific series of the population of Russia in 2008–2010 and 2013–2016, billion RUB

Показатели	2008	2009	2010	2013	2014	2015	2016
Денежный доход	3 932	3 454	3 800	4 746	3 271	5 605	576
Заработная плата, включая скрытую оплату труда	2 874	2 044	1 890	3 146	2 388	3 578	–124
Социальные выплаты	855	915	1 514	975	332	1 140	629
Располагаемый денежный доход	3 341	3 486	3 698	3 973	2 810	5 506	338
Потребление товаров и услуг	3 884	1 319	2 579	3 237	3 258	1 898	1 280
Справочно:							
Доля потребления товаров и услуг в располагаемом доходе, %	84,5	78,2	77,1	83,3	85,5	79,6	81,7
Расходы домашних хозяйств на конечное потребление в постоянных ценах, %	110,6	94,9	105,5	104,4	102	90,2	95,5

Источник: рассчитано авторами по данным Банка России

Source: Authoring, based on the Bank of Russia data

Таблица 2

Вклады и кредиты физических лиц в кредитных организациях (2012–2016 гг.), млрд руб.

Table 2

Deposit and loan amounts of individuals in credit institutions in 2012–2016, billion RUB

Показатели	01.01.2013	01.01.2014	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017
Вклады (депозиты) физических лиц	14 251,1	16 957,5	18 552,7	23 219,1	24 200,3
Темп прироста за год, %	20	19	9,4	25,2	4,2
Вклады в рублях	11 763,5	14 000,6	13 706,6	16 398,2	18 476,7
Темп прироста за год, %	21,2	19	–2,1	19,6	12,7
Вклады в валюте	2 487,5	2 957	4 846,1	6 820,9	5 723,7
Темп прироста за год, %	14,7	18,9	63,9	40,8	–16,1
Средневзвешенная процентная ставка, % годовых, срок привлечения 181 день – 1 год	7,17	7,17	12,23	8,85	6,96
Кредиты физическим лицам в рублях	7 492,7	9 719,9	11 028,8	10 395,8	10 643,6
Темп прироста за год, %	43,3	29,7	13,5	–5,7	2,4
Кредиты физическим лицам в иностранной валюте	244,4	237,2	300,8	288,5	160,3
Темп прироста за год, %	–24,5	–3	26,8	–4,1	–44,4
Средневзвешенная процентная ставка, % годовых, по кредитам в рублях, срок привлечения: 181 день – 1 год	25,1	23,81	33,55	26,3	22,76
от 1 года до 3 лет	24,7	21,69	29,69	21,3	18,08
Чистое кредитование физических лиц кредитными организациями (прирост вкладов минус прирост кредитов)	171,1	486,4	222,7	5 311,7	861,6

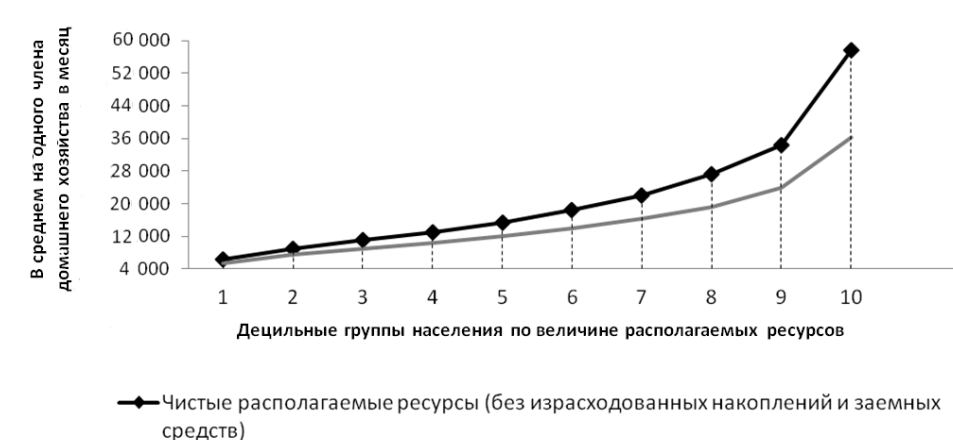
Источник: рассчитано авторами по данным Банка России

Source: Authoring, based on the Bank of Russia data

Рисунок 1**Отношение заработной платы и пенсий к величине прожиточного минимума в 2007–2016 гг., %****Figure 1****The ratio of wages and pensions to subsistence level in 2007–2016, percent**

Источник: данные Росстата

Source: Rosstat

Рисунок 2**Чистые располагаемые ресурсы домашних хозяйств и расходы на конечное потребление по децильным группам населения в 2015 г., руб./мес.****Figure 2****Net disposable resources of households and final consumption expenditures by decile group of population in 2015, RUB per month**

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата

Source: Authoring, based on the Rosstat data

Список литературы

1. *May В.* Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика России в 2015 году // *Вопросы экономики*. 2016. № 2. С. 5–33.
2. *Кейнс Д.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: ЭКСМО, 2007. 153 с.
3. *Friedman М.* A Theory of the Consumption Function. Princeton, USA, NJ, Princeton University Press, 2008, 296 p.
4. *Овчарова Л.Н., Бурдяк А.Я., Пишняк А.И. и др.* Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2014. 108 с.
5. *Маневич В.* Функционирование денежно-финансовой системы и депрессия российской экономики // *Вопросы экономики*. 2016. № 2. С. 34–55.
6. *May В.* Экономическая политика 2009 года: между кризисом и модернизацией // *Вопросы экономики*. 2010. № 2. С. 4–25.
7. *Бобков В.Н., Алиев У.Т., Куница С.М. и др.* Неравенство в распределении доходов и уровне бедности населения: межстрановые сопоставления // *Вопросы статистики*. 2011. № 6. С. 47–53.
8. *Абаноква К.Р., Локишин М.М.* Влияние эффекта масштаба в потреблении домохозяйств на бедность в России // *Экономический журнал ВШЭ*. 2014. Т. 18. № 4. С. 620–644.
9. *Ясин Е.Г., Акиндинова Н.В., Якобсон Л.И., Яковлев А.А.* Состоится ли новая модель экономического роста в России? // *Вопросы экономики*. 2013. № 5. С. 4–39.
10. *Капелюшников Р.И.* Неравенство: как не примитивизировать проблему // *Вопросы экономики*. 2017. № 4. С. 117–139.
11. *Фотина О.Э.* Особенности сберегательного поведения домашних хозяйств в России в условиях финансового кризиса 2008–2009 гг. // *Экономические науки*. 2011. № 78. С. 66–70.
12. *Замараев Б., Киоцевская А., Назарова А., Суханов Е.* Замедление экономического роста в России // *Вопросы экономики*. 2013. № 8. С. 4–34.
13. *Кузина О.Е.* Анализ динамики пользования банковскими кредитами и долговой нагрузки россиян // *Деньги и кредит*. 2013. № 11. С. 30–36.
14. *Тютюкина Е.Б., Тимофеева Н.О.* Взаимосвязь сбережений и инвестиций населения в условиях кризиса // *Управленческие науки*. 2015. № 2. С. 43–49.
15. *Матовников М.Ю.* Сберегательная активность населения России // *Деньги и кредит*. 2015. № 9. С. 34–39.
16. *Акиндинова Н., Ясин Е.* Новый этап развития экономики в постсоветской России // *Вопросы экономики*. 2015. № 5. С. 5–27.
17. *Половинкина Н.* Неравномерность распределения и экономическое развитие // *Экономист*. 2010. № 5. С. 47–63.

18. *Плышевский Б.* Конечный спрос в России: динамика, пропорции // *Экономист*. 2015. № 1. С. 3–21.
19. *Ващелюк Н.В., Полбин А.В., Трунин П.В.* Оценка макроэкономических эффектов шока ДКП для российской экономики // *Экономический журнал ВШЭ*. 2015. Т. 19. № 2. С. 169–198.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

ADAPTING HOUSEHOLDS TO THE EFFECTS OF NEGATIVE MACROECONOMIC SHOCKS: SAVING WITHOUT SAVINGS**Sergei R. MURAV'EV^{a,*}, Tat'yana N. PEK^b**^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Astrakhan Branch, Astrakhan, Russian Federation
smuraviev@inbox.ru^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Astrakhan Branch, Astrakhan, Russian Federation
tpek-n@yandex.ru

* Corresponding author

Article history:Received 29 August 2017
Received in revised form
22 September 2017
Accepted 18 October 2017
Available online
15 November 2017**JEL classification:** E21,
E63, O11, P46**Keywords:** representative household, macroeconomic shock, saving behavior pattern, economy**Abstract****Subject** This article deals with the issues of consumption and saving behavior patterns of Russian households in terms of their response to the effects of negative macroeconomic shocks.**Objectives** The article aims to provide a study into the consumer and financial behavior of households in order to identify the factors of relative growth in savings and assess the mechanisms for adapting the population to the negative macroeconomic shocks and prospects for restoring consumer demand.**Methods** For the study, we used a comparative analysis of official statistics, household sociological surveys and expert estimates on the consumption and savings of the Russian population.**Results** The article identifies factors that affect the consumption of most households, reduce the demand for credit and low levels of savings for the majority of the population. We have not confirmed the view that a typical representative of households would move to a saving behavior pattern during a recession in a context of high household differentiation in the amount of disposable resources.**Conclusions** The reproduction of the specific conditions for structuring the income and expenditure patterns of the population in Russia, which is reflected in the recurrence of households' response to negative macroeconomic shocks, does not allow for the view that the need to depress aggregate demand for the effective realization of long-term development objectives, is reasonable.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2017

Please cite this article as: Murav'ev S.R., Pek T.N. Adapting Households to the Effects of Negative Macroeconomic Shocks: Saving without Savings. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2017, vol. 15, iss. 11, pp. 2052–2069.<https://doi.org/10.24891/re.15.11.2052>**References**

1. Mau V. [Anti-crisis measures or structural reforms: Russia's economic policy in 2015]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 2, pp. 5–33. (In Russ.)
2. Keynes J.M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The General Theory of Employment, Interest and Money]. Moscow, EKSMO Publ., 2007, 153 p.
3. Friedman M. *A Theory of the Consumption Function*. Princeton, USA, NJ, Princeton University Press, 2008, 296 p.
4. Ovcharova L.N., Burdyak A.Ya., Pishnyak A.I. et al. *Dinamika monetarnykh i nemonetarnykh kharakteristik urovnya zhizni rossiiskikh domokhozyaistv za gody postsovetskogo razvitiya: analiticheskii doklad* [Dynamics of monetary and non-monetary

- characteristics of the Russian households' standard of living in the years of post-Soviet development: an analytical report]. Moscow, Fond Liberal'naya Missiya Publ., 2014, 108 p.
5. Manevich V. [Functioning of monetary and financial system and the depression of the Russian economy]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 2, pp. 34–55. (In Russ.)
 6. Mau V. [Economic policy in 2009: between the crisis and modernization]. *Voprosy Ekonomiki*, 2010, no. 2, pp. 4–25. (In Russ.)
 7. Bobkov V.N., Aliev U.T., Kunitsa S.M. et al. [Inequality in income distribution and poverty level of population: cross-country comparisons]. *Voprosy Statistiki*, 2011, no. 6, pp. 47–53. (In Russ.)
 8. Abanokova K.R., Lokshin M.M. [The effect of adjustment for economies of scale in household consumption on poverty estimates in Russia]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE = HSE Economic Journal*, 2014, vol. 18, no. 4, pp. 620–644. (In Russ.)
 9. Yasin E.G., Akindinova N.V., Yakobson L.I., Yakovlev A.A. [Will a new model of economic growth take place in Russia?]. *Voprosy Ekonomiki*, 2013, no. 5, pp. 4–39. (In Russ.)
 10. Kapelyushnikov R.I. [Inequality: How not to primitivize the problem]. *Voprosy Ekonomiki*, 2017, no. 4, pp. 117–139. (In Russ.)
 11. Fotina O.E. [Features of the saving behavior of households in Russia in the financial crisis of 2008–2009]. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*, 2011, no. 78, pp. 66–70. (In Russ.)
 12. Zamaraev B., Kiyutsevskaya A., Nazarova A., Sukhanov E. [The slowdown of the Russian economy]. *Voprosy Ekonomiki*, 2013, no. 8, pp. 4–34. (In Russ.)
 13. Kuzina O.E. [An analysis of the dynamics of bank loans and debt load of Russians]. *Den'gi i kredit = Money and Credit*, 2013, no. 11, pp. 30–36. (In Russ.)
 14. Tyutyukina E.B., Timofeeva N.O. [The interrelation of population savings and investments under crisis conditions]. *Upravlencheskie nauki = Management Science*, 2015, no. 2, pp. 43–49. (In Russ.)
 15. Matovnikov M.Yu. [Savings activity of the Russian population]. *Den'gi i kredit = Money and Credit*, 2015, no. 9, pp. 34–39. (In Russ.)
 16. Akindinova N., Yasin E. [A new stage of economic development in post-Soviet Russia]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 5, pp. 5–27. (In Russ.)
 17. Polovinkina N. [Uneven distribution and economic development]. *Ekonomist = Economist*, 2010, no. 5, pp. 47–63. (In Russ.)
 18. Plyshevskii B. [Final demand in Russia: dynamics, proportions]. *Ekonomist = Economist*, 2015, no. 1, pp. 3–21. (In Russ.)
 19. Vashchelyuk N.V., Polbin A.V., Trunin P.V. [Estimation of the monetary policy shock's influence on the Russian economy]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE = HSE Economic Journal*, 2015, vol. 19, no. 2, pp. 169–198. (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.